

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ФИЛОСОФИИ И ЕЕ ПРЕПОДАВАНИИ

В.М. Розин

Институт философии РАН, Москва

rozinvm@gmail.com

В статье обсуждается современная интеллектуальная ситуация и особенности коммуникации, создающие неопределенность и сложность в плане понимания того, каким образом в настоящее время можно преподавать философию в высшей школе. Тем не менее автор делится своим опытом преподавания философии и формулирует принципы подхода к преподаванию не только философии, но и других гуманитарных наук. Обязательным в таком подходе он считает групповую творческую работу студентов, реализацию методологического мышления, принцип историзма (генезиса истории), новое понимание педагогического отношения, а также работы самого педагога.

Ключевые слова: реальность, ситуация, философия, личность, группа, творчество, развитие, деятельность.

Культурологические и исторические исследования позволяют утверждать, что были эпохи и культуры (это прежде всего культура Древнего мира, исключая античность, и Средних веков), когда для живущих в них людей в общем было понятно, что есть (существует) и куда идет мир. Так, например, для древних египтян и шумеров было очевидно, что есть боги, которые создали мир и человека и которые последнего направляют и поддерживают в жизни, а если человек не подчиняется законам, то боги его сурово наказывают и карают. Для средневекового человека западного мира не менее очевидным была вера в единого Бога в трех ипостасных лицах, который создал мир, определил ход мировых событий, завершит земную жизнь, воскресит умерших и воздаст каждому по его заслугам. И где-то, начиная со второй половины XVII по XX столетие,

человек в целом знал, как устроен мир: есть природа, законы которой выявляются в науке; на их основе в рамках инженерии и промышленности создаются машины и нужные вещи, что обеспечивает прогресс и благополучие человечества.

Говоря, что человек «знал», ему было «очевидно», я имею в виду сложившиеся и воспроизводящиеся не одно тысячелетие представления. Современные исследования показывают, что когда они только складывались, становились как новая реальность, все сказанное совсем не было очевидным; более того, в период становления между собой конкурировали самые разные идеи и концепции. Но именно в результате такой конкуренции, с одной стороны, и решений сообщества или властных инстанций (например, в Средние века христианских соборов) – с другой, постепенно побеждали и становились

лись очевидными главенствующими для эпохи представления¹.

А что у нас сегодня, в современности? Неопределенная, мерцающая реальность, неясно куда мы идем, что нас ожидает. Верующие люди по-прежнему считают, что именно *Бог* и есть то, что существует безусловно, а также именно Он определяет ход событий и будущее человека. Поскольку же большинство людей не верят в Бога или не следуют его заповедям (погрязли в грехах), то Господь накажет их, и последние времена уже близко. Правда, с точки зрения религии есть другие, более оптимистические сценарии современной истории.

В отличие от верующих, *эзотерики* уверены, что существует не Бог, а «подлинная реальность», но, как показывает анализ эзотерических учений, у каждого эзотерика – своя. Например, Рудольф Штейнер говорит о духовном мире, где подвизающийся на эзотерическом пути созерцает и переживает идеи, готовит свое следующее воплощение, участвует в духовной жизни обычных людей. Шри Ауробиндо Гхош рассказывает об эволюции и инволюции, в ходе которых дух (ум) восходит на все более высокие ступени, а «гностическое существо» («эзотерик») приобретает необыкновенные способности (сливается со вселенной, становится бессмертным, преображается в сверхчеловека и пр.). Для Джона Кришнамурти подлинная реальность не имеет черт, схожих с обычным миром, скорее это

¹ Опять же, наличие в указанных культурах единой ясной картины мира и представлений не отрицает контртенений и ересей. Как однажды выразился С.С. Аверинцев, культура сильна своими противоречиями. Существует и такая точка зрения, что подобная ясность – результат определенной исторической реконструкции, обращающей внимание на общее и универсальное и игнорирующей различия.

само состояние подлинности и блаженства. И так далее, у каждого эзотерика свой подлинный мир. Но все они видят цель жизни в том, чтобы пройти в подлинную реальность; цена подобного проникновения – кардинальная переделка и трансформация своей личности.

Неверующие (атеисты) уверены, что Бог или подлинная реальность – это или заблуждения, или превращенные формы представлений людей, а вот реальность – это природа, подчиняющаяся вечным законам. Соответственно, и будущее определяется этими «слепыми» законами. Если, например, попадет в нашу планету гигантский астероид, то жизнь на Земле погибнет. Но и в куда более отдаленной перспективе жизнь не вечна, сейчас вселенная расширяется, а потом, говорят космологи, она начнет сжиматься и жизнь в ее человеческом понимании станет невозможной. Но даже если не озадачиваться подобными катастрофическими сценариями, все равно в среде рационалистов нет согласия.

Современный человек научился так интерпретировать события и затем вменять полученные интерпретации себе и другим, что реальность стала неопределенной и мерцающей. Очень вероятно, что и дальше мы будем наблюдать победное шествие техники и технологии и связанную с ними глобализацию мира. Но, возможно, этот тренд сменится другим. Некоторые вслед за Гегелем думают, что разум и согласие на нашей планете возрастают. Другие, напротив, пророчат, что нас ожидает борьба всех против всех. Сторонники техногенной цивилизации считают, что человек сможет организовать под себя земную природу. Но, «зеленые» и антиглобалисты думают иначе – природа накажет зазнавшегося человека ураганами, цунами, эпидемиями.

Итак, в настоящее время трудно понять, что существует на самом деле, как устроен наш мир, каким закономерностям он подчиняется. Социальная реальность по-разному истолковывается, в ней просматриваются разные быстро сменяющиеся тенденции, часто противоположные, философия и наука больше не дают однозначных объяснений происходящего.

Хотя современный мир устроен очень сложно (а когда он был простым?) и далек от ясности, хотя нашим дискурсам противостоят многочисленные другие концептуальные построения и объяснения, тем не менее я думаю, что можно найти твердое основание жизни, не тонуть в неопределенности. Можно понять, как современный мир устроен и куда идет.

Другое дело, что современное понимание и основания в настоящее время должны быть устроены иначе, чем вчера. В частности, они должны учитывать и неопределенность реальности, и разные другие дискурсы, и необходимость найти новые условия их согласования (вообще согласия). Понимание мира и его твердые основания – это не только мое личное понимание и знание, это результат консенсуса в обществе по поводу реальности и ее познания, консенсуса, который сегодня только нащупывается.

Но здесь я так и слышу возражения оппонента. Разве сам автор, спрашивает оппонент, не показал вполне убедительно в своих работах, что реальность конституируется и складывается не сама собой, а в результате наших с вами усилий? Мыслители приписывают ей такие характеристики, которые отвечают или основному строю культуры и задачам религиозного спасения (религиозный путь и мироощущение), или идеальному плану личности

(эзотерический путь), или, наконец, вызовам либерально-капиталистической цивилизации. Поскольку же мыслители как личности совершенно разные и мыслят они по-разному, отвечая на свои вызовы времени, то и образы реальности получаются у них различные. Почему же мы, добавит он, должны верить автору, принять именно его картину реальности?

Все это правильно и справедливо и отражает современную постмодернистскую ситуацию в культуре: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем вместо стремления к согласию и порядку – акцентирование различия, разногласия, противостояния, не общезначимость, а условность или метафоричность, приоритет не науки, а других дискурсов, прежде всего искусства, не существование, а разные, в том числе и «непрозрачные», реальности. «Приходящее на смену общество, – пишет один из идеологов постмодерна Жан-Франсуа Лиотар, – меньше всего утверждает антропологию ньютоновского типа (как в свое время структурализм или теория систем), а более всего нацелено на грамматику языковых частиц. Возникает множество различных языковых игр<...> Тогда консенсус достигается, вероятно, через дискуссию, как это предполагал Хабермас? Но консенсус насильничает (делает невозможным. – В.Р.) гетерогенность языковых игр. А изобретение, открытие нового всегда осуществляется через разногласие<...> Если мы осуществляем дескрипцию научной прагматики, акцент должен быть отныне сделан на расхождении, разногласии. Консенсус – это никогда не достигаемая линия горизонта<...> По отношению к идеалу наглядности она является фактором формирования “непрозрачно-

сти”, которая отодвигает момент консенсуса на более позднее время»².

А вот как здесь ставится вопрос о реальности. «В постмодернизме, – пишет Г.С. Померанц, – велика роль описательного плана, то есть характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркиваются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью. Реальность и фантазия сливаются в “виртуальной” действительности, как в “Диснейленде”. Карта предшествует территории и создает “территорию”, телевизор формирует общество»³.

Действительно, сюжет проникновения одних реальностей в другие, вымышленных в обычные или переход обычных в вымышленные, как, например, проникновение оживших телевизионных изображений в квартиру, где сидит телезритель, или, напротив, переход зрителя в экранную реальность, подобные сюжеты, выдаваемые за юмористические, а на самом деле странные и тревожащие сознание, стали сегодня настоящими символами нового мироощущения человека. Центральными содержаниями этого мироощущения являются понятия *перехода* и *реальности*, причем они как бы проникают друг в друга. Сюжет отсылает нас к другой реальности, которая, в свою очередь, символична. И одновремен-

но – реальна. Реальны, как утверждают современные психологи, наши сновидения; реальны, на чем настаивают искусствоведы, «первичные иллюзии» искусства; абсолютно реальны, утверждает религия, Бог, святые, ангелы, демоны; не менее реальны, говорят эзотерики и доказывают это всей практикой своей жизни, подлинны, эзотерические миры или реальности.

Но ведь реальны и наш обычный мир, и природа с ее законами, что подтверждается непрерывно успехами естествознания и инженерии. Когда мы говорим о том, что нечто существует, или о реальности, или о существовании определенной реальности, каким образом мы понимаем все эти понятия и выражения, одинаковые ли значения и смыслы вкладываем мы в них? Сегодня понятие реальности употребляется все чаще и главное – нередко вместо понятия существования.

В этом плане интересна трактовка реальности, данная в конце сороковых годов Н. Бердяевым, который пишет, что объективированный мир не есть подлинный реальный мир, это есть лишь состояние подлинного реального мира, которое может быть изменено. Объект, утверждал он, есть порождение субъекта. Лишь субъект экзистенциален, лишь в субъекте познается реальность. Бытие есть понятие, а не существование. То, что Бердяев называет объективацией, Фуко связывает с интерпретацией, подчеркивая ее незавершенность и бесконечность. Если интерпретация никогда не может завершиться, пишет Фуко, то просто потому, что не существует никакого «интерпретируемого». Не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагаю-

² Лиотар Ж.Ф. Постсовременное состояние // Культурология. – Ростов-н/Д, 1995. – С. 531–532.

³ Померанц Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия. – В 4 т. – М., 2001. – Т. 3. – С. 297.

щая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков. В интерпретации устанавливается скорее не отношение разъяснения, а отношение принуждения. Интерпретируется не то, что есть в означаемом, но, по сути дела, следующее: кто именно осуществил интерпретацию. Основное в интерпретации, отмечает Фуко, – сам интерпретатор.

С точки зрения так понимаемой реальности само существование есть всего лишь один из видов реальности, а именно «познавательная реальность». Здесь может возникнуть законный вопрос: в каком смысле личность может полноценно жить, например, живет ли она в сновидениях или в эзотерических реальностях? На этот вопрос я пытался ответить в ряде работ, показывая, например, что с психологической и культурологической точек зрения наша жизнь – это «жизнь в языке и языком», это языковое творчество, перетекающее в переживание и актуальную деятельность.

Парадигма постмодернизма неоднозначна и в определенной степени предельна для философского и научного мышления. Кризис традиционной рациональной мысли, новые техники интерпретаций произведений искусства, распределение реальности в современных гуманитарных и социальных исследованиях, поиски новых подходов и способов мышления – все это способствовало становлению нового мироощущения, где в центр выдвинулись само становление и постоянное преодоление традиционной мысли. Но, как верно заметил Померанц, хотя «Новое время кончилось и начался поворот неизвестно куда, эпоха дрейфа, потери и обновления ориентиров», тем не менее «все попытки увековечить современное состояние мира, нынешний стиль восприятия жизни необоснованны»; «исто-

рия культуры – это история обуздания новых стихий»⁴.

Итак, недостаточно, например, студентам рассказать на лекциях по философии о реальности, которая, на взгляд того или иного мыслителя, существует, поскольку разные философы и ученые (а также, как мы поняли, отцы церкви и эзотерики) показывают и удостоверяют для нас совершенно разные реальности. Что же делать? Раньше я думал, что для взаимного понимания достаточно отразить свои ценности и подход и рассказать о нем другим. Если они будут продемонстрированы, считал я, то станет понятным, почему я думаю именно так и что собой представляет реальность, о которой я говорю.

Не отказываясь от указанной стратегии, я все же сегодня понимаю, что она недостаточно эффективна, ведь если другой мыслитель видит все иначе, имеет другую непосредственную реальность, он и мое разъяснение будет считать или ошибочным, или просто не поймет. Кроме того, современный мыслитель, как правило, занят собой, своей личностью и творчеством. Ему некогда вникать в чужие построения, разбираться в перипетиях познания другого. И дело здесь не в плохом характере или эгоизме, а в духе времени и образе жизни. Мы достаточно разобщены и не включены в общее дело. Вот, например, я много лет двигался самостоятельно, вышел на понимание реальности и мучащих меня проблем, вжился в открытый мир, обустроился в нем, он для меня воспринимается как непосредственный и подлинный. Но то я, а другие? Они, во-первых, не присутствовали в моей жизни и не знают ее перипетий. Во-вторых, сами они, точно так же как и я, прошли свой

⁴ Там же. – С. 298.

сложный путь, о котором, в свою очередь, уже я ничего не знаю.

Кажется, тогда чего проще рассказать о своем жизненном пути и показать место в нем нашего мышления и познания. Тогда, вероятно, другим станет понятным моя реальность. Ну, примерно так я и делаю. Пытаюсь отрефлексировать свои ценности и подход. Рассказываю о своем жизненном пути. Показываю место в нем своего мышления и познания. Возникает ли при этом для других понимание моего мышления и реальности, которую я обнаружил? Трудно сказать, ведь опять же другие заняты собой и не имеют возможности вникать в мои построения и перипетии жизни. Тем не менее пока я не вижу никакого другого пути и способа сделать свои построения понятными. Расскажу, как я это делаю, преподавая философию.

К концу 1990-х я решил, что мне уже есть что сказать. К этому времени вышли несколько моих книг и худо-бедно я мог предложить философской общественности ряд новых идей и концепций. Однако на дворе набирала силу эпоха постмодерна, когда никто никого не читал, а если и читал, то, как правило, мало что мог понять из прочитанного, поскольку научная коммуникация распалась и каждый автор, как я написал в одном тексте, «рыл свою траншею, не поднимая головы». Я задумался и стал размышлять, а каким образом в этой ситуации я мог бы донести до читателя свои мысли и идеи.

Вспомнил, как я сам анализировал других авторов. Старался реконструировать культурную ситуацию, в которой они создавали свои произведения, а также жизненное кредо авторов. Нельзя ли, подумал я, применить этот подход к себе самому? Ведь что не хватает читателю, чтобы он мог по-

нять новое философское произведение? Читатель не знает, чем был озабочен, озадачен автор, не знает автора, не видел, как автор шел к своим идеям, путался, сбивался с пути, возвращался назад, чтобы снова искать решение и, в конце концов, найти его. Почему бы, подумал я, не рассказать читателю о своих поисках, не приложить к научным идеям рассказ о жизни их творца?

Однако легче это сказать, чем сделать. Нужно было найти форму, в которой данный замысел можно было реализовать. Изложить сначала свои философские концепции, а затем рассказать, как я к ним пришел? Рассказать о себе в контексте философского поиска? Я перебирал вариант за вариантом, но не мог ни на чем остановиться. Наконец, после месяца мучений я решил, что напишу философский роман, где будет все это, а также некий сюжет, где буду я сам, но как герой, будут все те, кто оказал на меня влияние (мои учителя, соратники, друзья, любимые), но тоже как герои романа. Я приступил к реализации замысла, и примерно через год в свет вышел методологический роман «Беседы о реальности и сновидения Марка Вадимова».

В 20-м номере методологического и игротехнического альманаха «КЕНТАВР» трагически ушедший из жизни главный редактор Геннадий Копылов так анонсировал мой роман. «Вряд ли кто-нибудь сомневался, что книга В. Розина получится достойной в научном (философском, методологическом) отношении; но весьма приятной неожиданностью оказалось то, что «Беседы» захватывающе интересны литературно, точнее – бытийно. Хорошо зная научное творчество В. Розина, мы, казалось бы, не найдем в этой книге ничего существенно нового: природа сновидений, знаковые реальности и их место в жизни человека,

эзотерические миры, учение о психических реальностях – работы по этим темам уже неоднократно публиковались автором. Однако здесь эти (и другие) размышления включены в контекст жизненного пути героя книги, они служат вехами его самостроительства. По аналогии с “романами воспитания” эту книгу можно назвать “романом образования”, продолжающегося для методолога всю жизнь».

Скоро я понял, что мне хочется продолжить начинание и действительно перевести его в плоскость образования. Я стал писать вторую книгу в том же духе, которая появилась в 2002 году (переиздана в 2006-м). Она называлась «Проникновение в мышление. История одного исследования Марка Вадимова». Философский роман-эссе. Как вы видите, герой тот же самый, и этот второй роман о его поисках в самой захватывающей для меня области философии. Наверное, стоит кратко рассказать о содержании романов.

В последние десятилетия прошлого века сложился новый жанр научной литературы. Внешне он даже и не похож на научную, поскольку чаще всего речь идет о романах. Содержанием этих необычных романов являются, главным образом, научные и философские проблемы, а также история творчества и жизненного пути их авторов. Предлагаемая автором книга относится именно к этой категории: и наука, и роман похожи на автобиографическое повествование, но не автобиография. В этом плане, конечно, речь идет не о простом романе, а новом жанре, сочетающем в себе художественную форму и научный дискурс. Более того, такой жанр дает определенные преимущества в сравнении с чисто научными построениями. В романах типа «Маятник Фуко» Умберто Эко или «Шопенгауэр

как лекарство» Ирвина Ялома автор может более точно и адекватно излагать свои научные или философские идеи, поскольку свободен от необходимости доказывать свои положения и более свободен в плане ограничений реальности. С этой точки зрения речь в таких романах вроде бы идет о рефлексии опыта автора, на самом деле – это скорее теоретический конструкт, созданный всего лишь с опорой на авторский опыт с целью решить проблемы, которые волнуют автора.

Прежде чем опубликовать первый роман, я прочел некоторые ее главы своим друзьям. И был смущен, поняв, что они отождествляют Марка Вадимова со мной. Разве автор и герой – это одно и то же? Конечно, рассказывая о духовных поисках Вадимова, я невольно реализовал и некоторые свои потребности, например, лучше осознал ряд этапов своего творческого пути и отдельные значимые для себя переживания. Но при этом я везде старался не переходить границы вымысла, не настолько забывался, чтобы спутать Вадима Розина с Марком Вадимовым. Мои слушатели в подтверждение своей версии ссылаются на то, что я приписал Марку Вадимову собственные работы. Да, не отрицаюсь. Но разве автор не вправе вкладывать в уста героя собственные мысли? Михаил Бахтин, обсуждая особенности характера романтического героя, в частности, пишет, что романтизм является формой бесконечного героя. Рефлекс автора над героем вносится вовнутрь героя и перестраивает его, герой отнимает у автора все его трансгредивные определения для себя, для своего саморазвития и самоопределения, которое вследствие этого становится бесконечным. Параллельно этому происходит разрушение граней между культур-

ными областями (идея цельного человека), здесь зародыши юродства и иронии.

Если я и осуществлял плагиат, то по отношению к самому себе. А это уже что-то новенькое. Нет и еще раз нет – я не Марк Вадимов. Так может показаться лишь какому-нибудь поклоннику постмодернизма с его извращенными идеями бесконечного текста, невозможности нащупать означаемое относительно интерпретируемого и интерпретирующего. Ведь, в конце концов, не Марк Вадимов пишет обо мне, а я о нем. Хотя, конечно, я знаком с точкой зрения Мираба Мамардашвили, утверждающего, что в лоне романа впервые рождается и проходит некий путь творческая личность автора. Как, неужели до этого романа у меня не было личности? Я надеюсь, читатель все же сможет развести в разные стороны автора и героя этой книги. Но если тем не менее у кого-то это не получится, придется согласиться с подобным пониманием как одним из возможных. Известно, судьей может быть только читатель.

Первый роман посвящен обсуждению природы сновидений, символических форм жизни, эзотерического опыта, переживаний возможной смерти. Со слов одного из героев, Черного, пересказывается история о вторжении на землю инопланетных существ – космогалов, которые поработили людей и питаются их психоизлучениями, но одновременно, что парадоксально, способствуют их развитию и творчеству. Через всю книгу проходят воспоминания главного героя о своей жизни, учителях, мыслителях и просто ярких личностях, оказавших на него влияние. Не скрывает автор и необычные события, свидетелем которых он был (так, Марк Вадимов путешествовал во времени, общался с космогалами, а также с самим собой из будущего).

Во втором романе речь идет об исследовании мышления. Что такое современное мышление, когда оно возникло, как человек мыслит, решая личные и социальные проблемы? – вот вопросы, много лет занимавшие Марка Вадимова. Здесь описан важный период жизни нашего героя, завершающего построение учения о мышлении. Проникнуть в тайну мышления Вадимову помогают не только встречи и беседы с великими мыслителями прошлого и настоящего, начиная с Платона и Аристотеля, кончая Хайдеггером, Мамардашвили (в книге Машвили) и Щедровицким (Капицкий), но и общение Марка с космогалами, проникшими в подсознание творцов нашей цивилизации. Параллельно Вадимов продолжает размышлять над своей жизнью и обдумывает волнующие современников проблемы, а также возможность достижения в будущем бессмертия человека. И во втором романе у кого-то могут возникнуть законные подозрения: а не являются ли идеи Вадимова плагиатом, уж очень представления о философии и жизни Вадимова похожи на авторские?

Примерно в тот же период написания обоих романов я начал читать лекции «Введение в философию» в новом тогда Государственном университете гуманитарных наук. Размышляя о том, как можно построить подобный курс, задался принципиальным вопросом: можно ли вообще преподавать философию, если преподавание понимать в обычном смысле слова. Вспомнил дискуссию еще конца 80-х годов. На круглом столе, посвященном преподаванию философии в творческих вузах, одна из живо обсуждавшихся точек зрения состояла в следующем. В наших вузах и университетах философия и другие общественные науки преподаются не как наука, а как схо-

ластика; та философия, которую изучают студенты, уже давно является «мертвым знанием», не имеющим отношения ни к философии, ни к жизни. Правда, отдельных талантливых педагогов слушают, но это залуга не учебного курса по философии, а самого преподавателя.

Как можно понять того или иного философа, спрашивал я во время своего выступления на этом столе, если писал он давно (в античности, Средние века, в прошлые столетия), как правило, на другом языке (древнегреческом, латыни, французском, английском, немецком)? Проблем, волновавших его время, мы доподлинно не знаем, живой ход мысли этого автора неизвестен, а результат отражает лишь конечный итог его размышлений. Не будет ли поэтому более правильной следующая формула: «чтение и уяснение философского текста предполагает принципиальное непонимание», и от него и нужно дальше танцевать, то есть осознать это непонимание, углублять его, ставить проблемы, обсуждать условия понимания, искать контекст, позволяющий начать кое-что понимать.

При этом крайняя точка зрения высказывалась такая. В определенном смысле философию вообще нельзя преподавать, нельзя научиться философствовать, но философской мыслью можно заразить, к ней можно подтолкнуть сознание, склонное к раздумьям. Надо, говорил преподаватель философии Музыкально-педагогического института им. Гнесиных Г.И. Куницын, вернуться к исходному смыслу философии. Это не просто мудрость человека, а прежде всего самосознание, формирование человеческой личности. Платон и вслед за ним Цицерон утверждали, что философия – это приготовление себя к смерти, что нужно понимать не пессимистически. Действи-

тельно, философия – весь смысл жизни. Преподавание философии должно идти на проповеди, но больше всего на исповеди. В данном случае человек должен сливаться со своей идеей, а это возможно только при одном условии – преподаватель должен быть честен и мужествен до конца.

Безусловно, позиция Г. Куницына – предельная, но и она дает материал для размышления. Философия – не наука (во всяком случае – это не естествознание) и не обычный предмет преподавания. К философии нужно иметь склонность, ею нужно «заболеть». «Подвизающийся» в философском мышлении должен начать задаваться «странными» для обычного человека вопросами: Что такое бытие, в чем смысл человеческой жизни, что означает смерть, каково назначение человека или природы и прочее? Здесь, конечно, возникает интересный вопрос: А может ли юный студент, не имеющий еще опыта жизни, не претерпевший ее перипетий, дорасти до постановки таких экзистенциальных вопросов?

В чем назначение философии? – размышляла я. С моей точки зрения, в следующем. Философ занимается критикой и распредмечиванием реальности, которая, с его точки зрения, уже исчерпала себя и поэтому должна уйти со сцены истории. Философия конституирует новую реальность, но посредством *нормирования новых способов получения знания о мире*, другими словами, устанавливая по-новому в мышлении. Не менее существенно, что делая все это, философия отвечает на настоятельные вызовы времени, но отвечает, так сказать, личностным способом. Имеется в виду, что, конституируя новую реальность, отвечая на вызовы времени, философ реализует себя, вступает в диалог со своими учителями и другими мыслителями, проводит собствен-

ное видение реальности и понимание проблем. Конституируя новую реальность, философ обсуждает и задает *сущность* интересующего его явления.

Но современная философия мало похожа на традиционную. На смену классическим всеобъемлющим философским системам, с которыми мы связываем имена гениальных мыслителей-философов (Платона, Аристотеля, Плотина, Ф. Бэкона, Локка, Декарта, Канта, Гегеля и др.), пришли частные философские концепции и осмысления. Их много, они строятся на разных ценностных и онтологических основаниях. Как правило, представители этих философских течений полемизируют друг с другом. Многие объекты философской мысли (человек, культура, язык, наука, природа, техника) анализируются другими гуманитарными науками – историей, культурологией, социологией, языкознанием и т. д. В результате в настоящее время неясно, где проходит граница между философией и гуманитарными науками.

Обдумывая все эти вопросы, я решил воспользоваться опытом преподавания культурологии, который у меня сложился к этому времени. Так же как в учебном курсе культурологии, в курсе философии нового поколения не имеет смысла пересказывать основные философские системы и взгляды крупных философов. Цель должна быть другая: ввести в реальность философской мысли и работы, сориентировать студента в «ментальном пространстве» философии, то есть обрисовать основные подходы и направления философской мысли, основные темы и проблемы, обсуждаемые в философии.

Но в отличие от культурологии, представляющей собой теоретическое и историческое знание об объекте – культуре,

философия если и является знанием, то особым; такое знание греки называли «мудростью». Известный французский историк философии Пьер Адо показывает, что философия, начиная с античности, представляла собой не только и не столько теоретизирование, сколько особый философский образ жизни и мышление, с которыми и связана идея мудрости. Он утверждает, что многие философы Нового и Новейшего времени, «выражаясь словами Канта, остались верны Идее философии», трактующей философию, прежде всего, как особый образ жизни, исходящий из философской мысли. Если разобраться, говорит П. Адо, это скорее в школьной философии, и особенно ее истории, всегда делался упор на теоретическом, абстрактном, концептуальном аспекте философии.

Но если философия не только теоретизирование, но и особый образ жизни и мышление, причем не раз менявшиеся в истории, то спрашивается, как ее излагать, можно ли получить представление о философии, анализируя и сравнивая смену «глобальных парадигм философии»? П. Адо пишет, что чтобы понять философские произведения античности, надо учесть конкретные обстоятельства философской жизни в эту эпоху; надо уяснить, что подлинная цель античного философа – не дискурс ради самого дискурса, а духовное воздействие на людей. Если мы осознаем это, утверждает Адо, тогда мы уже не станем удивляться, обнаружив, к примеру, у Платона, Аристотеля или Плотина апории, в которых запутывается мысль, исправления, повторы, явные противоречия; мы будем помнить, что их философский дискурс должен не сообщать некоторое знание, а образовывать и упражнять. Подводя итог

своим размышлениям, я сформулировал следующие положения.

- Овладение философией (погружение в нее, ориентировка в философии и прочее) не может происходить на основе усвоения философских знаний или «образовательных философских нарративов» (т. е. повествований о философии). Овладение философией предполагает значительную работу мысли, обращение к своей жизни, прохождение пути, на котором необходимо преодолевать различные затруднения – стараться понять непонятное, уяснять (рефлексировать) чужие и свои представления, вырабатывать собственную позицию, совершать поступки и прочее.

- Опираясь при этом можно, с одной стороны, на анализ философских произведений (философских первоисточников и комментариев к ним), с другой – на гипотезы, характеризующие время, культуру и личность философов, создавших данные произведения, а также возможную логику построения этих произведений. Идея здесь простая: понять философское произведение (философский нарратив) можно, уяснив (это предполагает специальную реконструкцию), как оно создавалось, какие социокультурные и личностные факторы играли при этом существенную роль. С одной стороны, нужно восстановить и понять ту личную и объективную ситуации, в которых творил философ, с другой – встав в его позицию, осуществить вместе с ним основные шаги, приведшие к созданию философского произведения.

- Анализ и реконструкция философских произведений позволяет параллельно обсуждать, что такое философия и ее особенности. При этом важно учитывать, что философия и философская мысль меняются, развиваются, что не исключает нали-

чие в философской работе и мысли определенных инвариантов.

- В качестве материала для анализа и реконструкции должны быть взяты такие избранные философские произведения, которые позволяют сформулировать основные гипотезы и представления о характере философской мысли и природе философии. Сквозной и всеобъемлющий анализ философских произведений и невозможен, и не нужен.

- Анализ избранных философских произведений может быть дополнен «генезисом» (то есть теоретической реконструкцией происхождения и развития) философского мышления. В результате возрастает вероятность того, что не будут пропущены какие-то существенные для современной философии моменты.

- Философская мысль (мышление) выбрана и поставлена в центр потому, что исследования философской школы, из которой я вышел (она называется «методологической школой» или «Московским методологическим кружком»), показали, что именно изучение и конституирование мышления позволяют решить многие проблемы современной философии.

- Недостаточно, чтобы студенты только слушали своего преподавателя. Они должны вместе с ним приближаться к философии. Роль педагога в процессе овладения философией напоминает позицию «сталкера», проводника. Вместе со студентом он преодолевает различные интеллектуальные трудности, решает проблемы, обсуждает природу и особенности философских произведений и самой философии. Хотя он знает путь, по которому ведет «подвизающегося» в философии, но каждый раз сам обнаруживает, что многое в «местности», где они путешествуют, из-

менилось и нужно заново прокладывать тропинку.

Вот здесь, сообразил я, и пригодятся мои романы. Пусть студенты не только слушают, как нужно анализировать философские произведения, но и сами попробуют сделать это на материале моих романов. Перед ними и новые философские идеи, и рассказ о жизни их автора, реконструкция творческого пути, который автор прошел. Однако, подумал я, не получилась ли обычная история: два-три человека будут писать, а остальные у них спишут. Меня это не устраивало. Вот тогда мне пришла в голову мысль разбивать студентов на небольшие группы и предлагать им не просто отнестись к моим романам, а ответить на вопросы по их поводу. При этом форму текста, жанр изложения они должны придумать сами; это, предположил я, будет подталкивать их к творчеству. Сказано – сделано, но, как известно, быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается. Первые три года я фактически экспериментировал и отлаживал новый подход. Сегодня вполне можно говорить, что эксперимент удался. Об этом свидетельствуют и блестящие «творческие тексты» первокурсников (наиболее интересные работы мне удалось опубликовать)⁵, и то, что некоторые из моих бывших первокурсников недавно защитили в Институте философии кандидатские диссертации. Кратко курс «Введения в философию» строится так.

Выбираются четыре базисных философских произведения: «Пир» Платона, «О душе» Аристотеля, «Исповедь» Св. Августина, «Вопрос о технике» М. Хайдеггера. Каждое произведение прочитывается дома студентами. На лекции они «проблемати-

⁵ Приобщение к философии: Новый педагогический опыт. – М., 2009.

зируются». К проблематизации относится обсуждение непонятных мест, выявление противоречий, сравнение высказываний комментаторов (подбираются по возможности противоположные подходы и точки зрения), формулирование собственно проблем. Проблематизация позволяет поставить вопрос о том, как можно понять, что собой представляет данное философское произведение, какие идеи хотел провести его автор. В качестве решения я предлагаю провести культурно-историческую реконструкцию данного произведения. При этом формулируются три основные цели: *понять, что собой представляет данное произведение; познакомиться с образцами философской работы; войти в реальность философии.*

Затем я демонстрирую непосредственно культурно-историческую реконструкцию произведения. Эта реконструкция включает в себя анализ социокультурной ситуации, в контексте которой было создано произведение, и воссоздание целей, задач, методологических установок и способов решения, которые предположительно были характерны для автора произведения. Параллельно с реконструкцией идет обсуждение «рефлексивных содержаний», например, что такое проблема, чем она отличается от задачи, какую роль выполняет проблематизация, что такое культурно-историческая реконструкция и ее отличие от исторического исследования, почему необходимо реконструировать методологию и мироощущение автора, создавшего произведение, и т. д. Одновременно я начинаю обсуждение вопроса о сущности философии, путях ее формирования, фигуре философа.

Групповая работа (в группу входит от двух до четырех студентов) заключается в написании совместного «творческо-

го текста» по материалам двух моих методологических романов. Участники группы не должны пересказывать в реферативной форме содержание романа, а вместе ответить на поставленные по его поводу вопросы. Примерно следующие: какие темы обсуждаются в данном романе, каковы отношения между автором и героем романа, кто такие космогалы, существуют ли они на самом деле, как автор понимает, что такое философия, какие проблемы вы видите в современном мире и может ли философия помочь в их решении (каждый год вопросы варьируются или меняются). Форму и жанр своего произведения студенты определяют сами, они могут быть самыми разными (монологическое повествование, диалог, строго научный дискурс, научно-художественное построение и прочее). Я старался, чтобы лекции, вопросы и свободная форма жанра работы способствовали становлению у студентов творческого отношения.

Можно заметить, что структура и содержание данного курса «Введения в философию» строятся с использованием основ-

ных представлений гуманитарного подхода и науки, а также установок на контекстуальность и рефлексивность. Групповая работа может быть понята как пример новой образовательной практики. Своих студентов я рассматриваю как новое поколение, которое на лекциях и в группах заново, по-своему устанавливается относительно философского содержания, которое я им стараюсь передать. Поэтому сдвиг в понимании, произошедший в последние годы, и яркая креативность многих студентов (это продемонстрировали «творческие тексты») вполне закономерны, хотя меня все же приятно удивили.

Литература

Лиотар Ж.Ф. Постсовременное состояние // *Культурология*. – Ростов-н/Д: Феникс, 1995, 2002. – 608 с.

Померанц Г.С. Постмодернизм // *Новая философская энциклопедия*. – В 4 т. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3. – 694 с.

Приобщение к философии: Новый педагогический опыт / сост. Вадим Розин. Часть первая. – М.: URSS; Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 384 с.